

Глава V. «Перерыв» (1905–1917 гг.)

Ровно двенадцать лет отделяют подлинную Революцию от её «чернового варианта», «взрыв» от «потрясения». С революционной точки зрения эти годы не были ничем примечательны. Повсюду восторжествовала реакция. Следует, однако, отметить несколько получивших широкий резонанс забастовок и попытку мятежа на Балтийском флоте, в Кронштадте, жестоко подавленную.

Наиболее показательной в этот период явилась судьба Думы.

Дума начала заседать в мае 1906 года в Санкт-Петербурге. Её созыв сопровождался подъёмом народного энтузиазма. Несмотря на все правительственные махинации, она оказалась открыто оппозиционной. По численности и активности своих представителей в Думе господствовала партия кадетов. Председателем собрания был избран один из влиятельнейших членов этой партии профессор Московского университета С. Муромцев.

Представительный блок сформировали и левые депутаты — социал-демократы и эсеры («трудовики»)[41]. Всё население страны с неослабным интересом следило за работой Думы. На неё возлагались все надежды. От неё ожидали, по меньшей мере, широкомасштабных, справедливых, эффективных реформ.

Но между «парламентом» и правительством сразу же возникла поначалу глухая, а затем всё более откровенная враждебность. Правительство смотрело на Думу свысока, не скрывая пренебрежения, едва терпело её даже в качестве чисто консультативного органа. Дума же, напротив, стремилась стать подлинным законодательным, конституционным институтом. Отношения между ними становились всё более натянутыми.

Естественно, народ встал на сторону Думы. Положение правительства становилось невыгодным, комичным, а следовательно, опасным. Но оно прекрасно понимало, что революции в ближайшем будущем ожидать не приходится, а кроме того, могло рассчитывать на полицию и армию. Так что вскоре правительство прибегло к решительным мерам, ответственность за которые взял на себя премьер-министр Столыпин, человек властный и жёсткий. Предлогом послужил «Призыв к народу», разработанный Думой и затрагивавший главным образом аграрный вопрос.

В один прекрасный день депутаты обнаружили двери Думы закрытыми и охранявшимися военными. Улицы патрулировались полицией и вооружёнными силами. Дума, получившая название «первой», была распущена, о чём населению сообщалось и «разъяснялось» в официальном указе. Это произошло летом 1906 года.

Если не считать многочисленных покушений и нескольких мятежей, наиболее значительными из которых были Свеаборгский и Кронштадтский (второй вскоре после описываемых событий, первый — в октябре 1905 года), страна оставалась спокойной.

Что касается самих депутатов, они не осмелились протестовать. Это легко объяснимо. Протест стал бы революционным актом. Но было очевидно, что Революция переживает спад. (Впрочем, в иной ситуации правительство и не посмело бы распустить Думу, особенно столь бесцеремонно. В тот же момент оно с полным основанием ощущало себя хозяином положения.) Буржуазия оказалась слишком слаба, чтобы мечтать о революции, отвечавшей её интересам. А трудящиеся массы и их партии тем более не готовы были к революционным событиям.

Так что депутатам пришлось смириться с роспуском парламента. Тем более что декрет не отменял сам институт Думы, а объявлял о предстоящих новых выборах на основе несколько изменённого избирательного закона. «Представители народа» ограничились тем, что составили заявление протеста против акта произвола. Для написания этого заявления бывшие депутаты — в основном, члены партии кадетов — собрались на вилле в Финляндии (где находились в безопасности благодаря некоторой законодательной независимости этой части Российской империи), в Выборге, из-за чего заявление получило название «Выборгское воззвание». Затем они спокойно разъехались по домам.

Несмотря на безобидность их «возмущения», некоторое время спустя они были осуждены особым судом, Впрочем, не слишком сурово. (В частности, были лишены права вновь избираться в Думу.)

Не смирился только один депутат, молодой крестьянин из Ставропольской губернии «трудолик» Оникко. Он стал вдохновителем Кронштадтского мятежа. После ареста ему угрожал расстрел. Его спасло только вмешательство некоторых влиятельных фигур, опасавшихся последствий, которые могла бы вызвать его казнь. В итоге Оникко был сослан в Сибирь, откуда ему удалось бежать за границу. В Россию он вернулся в 1917 году. Дальнейшая **его судьба неизвестна. По некоторым, весьма правдоподобным сведениям, он продолжил борьбу как член партии правых эсеров, выступил против большевиков и был ими расстрелян**[42].

После роспуска «первой Думы» правительство незначительно переработало избирательный закон, приняло ряд других «превентивных мер» и созвало «вторую Думу». Гораздо более умеренная и, главное, значительно более посредственная, чем первая, она всё же показалась правительству «чересчур революционной». **Действительно, несмотря на все правительственные махинации, в ней насчитывалось немало левых депутатов. В итоге её постигла судьба предшественницы**[43]. На этот раз в избирательный закон были внесены значительные изменения. Впрочем, вскоре народ потерял всякий интерес к деятельности — или, точнее, бездеятельности — Думы, если не считать тех редких моментов, когда какой-нибудь важный вопрос или блестящая речь на короткое время привлекали к себе внимание.

После роспуска второй Думы была созвана третья и, наконец, четвёртая Дума. Последняя — послушный инструмент в руках правительства — влачила неприметное и бесплодное существование вплоть до Революции 1917 года.

В области реформ, принятия нужных стране законов и т. п. результаты деятельности Думы были нулевыми. Но нельзя сказать, что институт этот оказался абсолютно бесполезен. Критические выступления некоторых депутатов от оппозиции, поведение царизма перед лицом животрепещущих проблем того времени, само бессилие «парламента» разрешить их, пока существует абсолютизм — всё это постепенно открывало глаза широким массам на подлинную сущность режима, роль буржуазии, задачи, которые предстояло решить, программы политических партий и др. Для населения России этот период послужил затянувшимся, но плодотворным «уроком», единственно возможным при отсутствии иных путей социального и политического просвещения.

Этот период характеризуется главным образом двумя происходившими параллельно процессами: с одной стороны, усиливавшимся, необратимым вырождением — правильнее было бы сказать, «загниванием» — системы самодержавия; с другой стороны, быстрым развитием сознательности народных масс.

Явные признаки разложения царизма заметили и за границей. Образ жизни императорского двора обладал всеми историческими чертами, характерными для кануна падения монархий. Бездарность и равнодушие Николая II, слабоумие и продажность его министров и чиновников, вульгарный мистицизм, в который впали царь и его семья (пресловутая эпопея «старца» Распутина и т. п.) — все эти явления ни для кого за границей не были секретом.

Гораздо менее известны глубинные изменения, произошедшие в психологии народных масс. А образ мыслей человека из народа, например, в 1912 году, не имел уже ничего общего с примитивным менталитетом до 1905 года. Всё более широкие слои населения переходили в оппозицию к царизму. Лишь жестокая реакция, не допускавшая никакой рабочей организации и политической или социальной пропаганды, мешала народным массам сформировать определённое мировоззрение.

Таким образом, отсутствие сколько-нибудь значительных революционных выступлений вовсе не означало приостановления самого революционного процесса. Не проявляясь открыто, он неуклонно продолжался, главным образом, в умах людей.

Тем временем не одна жизненно важная проблема не была решена. Страна оказалась в тупике. *Насильственная и решающая революция стала неизбежной.* Для неё не доставало лишь непосредственного повода и оружия.

В этих условиях разразилась война 1914 года. Она вскоре предоставила народным массам и необходимый повод, и оружие.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 апреля 2025 13:37:42

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:39:55